

*Тен Михаил Димитриевич
Кандидат исторических наук, старший
научный сотрудник Института истории
АН Узбекистана (г. Ташкент)*

РЕЛИГИОЗНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ ЭТНИЧЕСКОГО МЕНЬШИНСТВА В УСЛОВИЯХ ПОЛИЭТНИЧЕСКОЙ СРЕДЫ УЗБЕКИСТАНА (на примере корейской диаспоры)

Корейцы в Узбекистане являются заметной этнической группой. По данным на 2008 г. их количество составляло 147,7 тыс. человек.¹ Вопрос о религиозной идентичности корейцев Узбекистана практически не освещался учеными, в связи с этим возникает необходимость восполнения пробела в исследовании данной тематики.

Как известно, в советский период религия была вытеснена на периферию общественной жизни, церкви запрещалось вести самостоятельную социально-политическую деятельность. После нескольких десятилетий советской власти, религия, казалось, была навсегда утрачена из общественной жизни. Однако с началом горбачевской перестройки и всеобщей гласности религиозная жизнь в Союзе начала оживляться. Говоря о корейцах Узбекистана, большую популярность стали набирать различные зарубежные религиозные секты. В частности все большие масштабы стало приобретать миссионерство пасторов из Южной Кореи и США.

В 1990-е годы в Узбекистан хлынула волна миссионеров-корейцев из этих стран. Они представляли преимущественно протестантские течения. Так, в июле 1990 г. в Узбекистан приехала группа религиозных деятелей и студентов из Соединенных Штатов Америки. В клубе колхоза «Политотдел» Ташкентской области они дали концерт религиозной музыки

и песни на корейском языке. Огромный клуб, рассчитанный на 1000 человек, был переполнен.²

Всплеск к религиозному культу, привнесенный вместе с миссионерами, проповедующими христианство (протестантизм) заполнил многие церкви и приходы прихожанами, основное ядро которых составляли корейцы. Пасторы из Южной Кореи и Америки создали церкви в Чирчике, Янгиюле, Ахангаране, Ангрене, Фергане, Сырдарье, в Ташкенте, а также множество филиалов в различных регионах Узбекистана.³

Начиная со второй половины 1990 гг. религиозное миссионерское движение корейских пастырей из Республики Корея и США в Узбекистан заметно усилилось. В среде корейцев Узбекистана получили развитие такие направления христианской церкви, как пресвитерианство, баптизм, церковь свидетелей Иегова и т.д. Филиалы церкви развернули свою деятельность не только в городах, но и в корейских колхозах: им. Димитрова, «Политотдел», «Северный маяк», «Правда», им. Ким Пен Хва, поселке Солдатском.

По нашему мнению, причина столь высокой популярности южнокорейских и американокорейских миссионерских религиозных сект заключалась в следующем:

во-первых, изначально эти церкви были представлены этническими корейцами, будь то южнокорейцы или корейцы из США. Это обуславливало их привлекательность для корейцев Узбекистана, видевших в них, пусть и зарубежных, но все же «своих» корейцев;

во-вторых, свою роль сыграла значительная модернизация церковных традиций. В отличие от консервативного православия или католицизма, миссионерские церкви были значительно осовременены. Например, в баптистской церкви, во время церковного служения играют песни в современных ритмах, а прихожане вместе с пастырем отплясывают в такт ритмичной религиозной поп-музыке. Это способствовало привлечению в ряды этих церквей корейской молодежи, для ко-

торых служение проходило не в скучных для них обрядах, а в современных упрощенных традициях;

в-третьих, миссионерские церкви имели свои штаб-квартиры в Корее и США и владели достаточным денежным фондом. В церквях, как правило, был хороший ремонт, имелось качественное и современное музыкальное оборудование, кухни, столовые и прочие удобства. Весь этот западный лоск не мог не привлекать прихожан, видевших в миссионерских церквях островки благополучия;

в-четвертых, скажем о причине, которая лежала гораздо глубже, нежели внешние атрибуты новых церквей. Миссионерские церкви восполняли, особенно у молодежи тот духовный вакуум, который образовался вместе с распадом Советского Союза. Для родителей молодых людей это было важно, ведь лучше, если ребенок ходит в церковь, нежели гуляет на улице с сомнительной компанией. Как пишет А.Ф. Ким, «корейцы Узбекистана... избрали религию для нравственного очищения души и заполнения пустоты после коммунистической идеологии»;⁵

в-пятых, миссионерские церкви были местом, где имелась возможность проводить свой досуг, общаться с ровесниками, причем это касалось не только молодежи, но и стариков, которые находили здесь спасение от одиночества.

На первый взгляд, миссионерское движение не имело негативных проявлений, однако по нашему мнению, стоит обратить внимание на некоторые моменты. Вместе с удовлетворением духовных потребностей в стенах церквей всегда происходит определенная идеологическая обработка, особенно это касается подрастающего поколения. Конечно, данный вопрос является субъективным для каждого человека. Кто-то воспринимает религию спокойно, а кто-то фанатично верит в бога. У каждого прихожанина свое восприятие религии, поэтому и степень влияния церкви на сознание человека нельзя определять однозначно. Но вместе с тем, учитывая то, что у молодых людей еще не до конца сформированная психика, то

и степень влияния церкви может оказаться достаточно сильной. Хорошо это или плохо – предмет отдельной дискуссии. Однако еще свежи в памяти деятельность сомнительных сект и течений, в которых люди подвергались определенной «обработке» и зомбированию.

Как пишет В.Г. Крысько, религия – это специфическая форма общественного сознания (общественной жизни) людей, имеющая собственные особенности и вызывающая своеобразные состояния психики верующих. К особенностям религии относится преимущественная направленность религии на постоянное удержание верующих под своим влиянием и непрерывный контроль за их психикой.⁵

Но есть другая сторона вопроса – этическая. Вступление в ряды секты обязывало преклоняться перед пасторами из Южной Кореи и США, возвеличивание их до уровня неких «божественных посланцев». В какой-то мере, это унижало человеческое достоинство прихожан. С другой стороны, в условиях экономического кризиса и разрухи деятельность таких «добрых» пастырей действительно могло выглядеть как нечто божественное. Ведь на самом деле, помимо духовного удовлетворения, люди получали и материальные вознаграждения. Например, по праздникам на столах было много вкусной еды, а, кроме того, дарились подарки. Возможно, для кого-то церковь была единственным местом, где можно было элементарно поесть.

Таким образом, на волне резких изменений, на фоне нарастающей кризисной ситуации в стране, а затем и коллапса советского общества, религия снова обрела свое место в системе культурных ценностей корейцев Узбекистана. Миссионерские церкви из США и Южной Кореи оказались довольно уместны в условиях, когда страна стояла на распутье и только становилась на путь реформ и преобразований во всех сферах общественной жизни. В каком-то смысле миссионерские церкви были первыми признаками нарастающего влияния западной культуры.

Автор провел широкое социологическое исследование среди корейцев Узбекистана (2009-2010 гг.), в которое входило исследование религиозной идентичности респондентов. Всего было опрошено 521 человек. 500 было опрошено методом анкетного опроса и 21 человек – методом интервью.

Данные анкетного опроса показали, что наибольшее число религиозных корейцев Узбекистана относят себя к протестантам – 17,6% опрошенных. Далее по количеству следуют православные – 8,6%. Еще 7,4% опрошенных отнесли себя к буддистам, 57,2% опрошенных не относят себя ни к одной из религий.

Интересно отметить, что 6 % респондентов указали, что исповедуют «христианство», но при этом не сумели указать конкретную конфессию. Этот вопрос требует детального рассмотрения. В ходе исследования автором была выявлена категория лиц, посещение церкви которыми не носит осмысленного характера. При этом церковь рассматривается как место проведения досуга и встреч с соседями, знакомыми, друзьями. Особенно это важно для стариков, зачастую страдающих от нехватки общения. Для молодежи церковь также не редко рассматривается как место общения со сверстниками, где можно познакомиться с другими молодыми людьми и возможно найти себе пару. Особенно это касается протестантских церквей, которые организуют южнокорейские миссионеры и где большая часть прихожан представлена представителями корейской диаспоры, здесь возможна мотивация молодых корейцев на поиск пары из числа представителей молодежи своей национальности. Так в интервью молодой человек (18 лет) сказал: «Я не то что прям так в христианство верю, но в бога все равно верю. Я, когда маленький был, меня заставляли туда (в церковь) ходить, а потом уже просто там было какое-то общение».⁶

Среди респондентов также можно выделить категорию лиц, которые указали, что верят в бога, но не принадлежат к какой либо религиозной конфессии. В интервью респондент

средней возрастной группы (женщина, 55 лет) на вопрос, какую религию она исповедует, ответила: «В принципе, никакую. Но в душе верю в какую-то свою веру в бога»⁷. Другой интервьюер (мужчина, 49 лет) сказал: «Я не скажу, что я атеист и не могу сказать, что глубоко верующий»⁸.

Особое внимание в результатах социологического опроса стоит обратить на значительное количество тех, кто не исповедует никакую религию (57,2 %). Эти показатели можно объяснить разными причинами, важной из которых является то, что многие респонденты большую часть жизни прожили в Советском Союзе. Это касается, прежде всего, среднего (31-55 лет) и старшего (56 лет и выше) поколения. В советский период религия находилась под пристальным контролем властей. К этому стоит добавить и тот факт, что во второй половине 1930-х годов на корейцев было наклеено клеймо «неблагонадежного народа», следствием чего стала их депортация в 1937 году из Дальневосточного края в Среднюю Азию. Статус «подозрительных» в определенной степени влиял на социальное поведение корейцев, выработав у них стереотип поведения, при котором они старались избегать всякого рода религиозной и национально-культурной деятельности. Одна из опрашиваемых (женщина, 50 лет) сказала: «Мы все-таки выросли в Союзе, мы были ярыми атеистами»⁹.

Наряду с этим определенная часть корейцев, живших в советский период, глубоко восприняли советскую идеологию, что и сегодня проявляется в их отношении к религии. Так в одном из интервью представитель старшего поколения (мужчина, 78 лет) на вопрос, какую религию он исповедует, ответил: «Никакую. Я преподавал в школе физику, окончил физмат. Я глубоко верю и убежден, что материализм – это правильное мировоззрение, а материализм с религией не совместим»¹⁰. Другой респондент старшего возраста (мужчина 80 лет) сказал: «Я, например, ни к какой религии себя не отношу. Ленин правильно сделал, что церкви убрал. Они же никому не дают пользу»¹¹. Таким образом, среди опреде-

ленной части лиц старшего поколения все еще присутствует советское мировоззрение и негативное отношение к религии.

Как показывают данные анкетирования, доля респондентов, не исповедующих никакую религию, в старшей возрастной группе уступает средней возрастной группе почти на 5 % (56,4 % от лиц старшей возрастной группы против 61,2 % от лиц средней возрастной группы). Это указывает на то, что респонденты средней возрастной группы, чьи молодые годы и средний возраст пришлись также на советский период, в меньшей, а может даже и в большей степени вобрали в себя идеологические устои советского общества.

Корейцы Узбекистана младшего возраста (16-30 лет) росли преимущественно в период независимости, однако среди них доля лиц, не исповедующих никакую религию (53,8 %) лишь на несколько процентов меньше, чем в других возрастных группах. Эти данные можно сопоставить с результатами исследования, проведенного профессором Г.Н.Кимом в 2008 г. среди студенческой корейской молодежи стран Центральной Азии.¹²

Как показали данные его опроса, 37,7 % респондентов не являются религиозными, при этом «доля неверующих и атеистов среди корейского студенчества в Казахстане оказалась самой высокой и составила около половины всех опрошенных».¹³

Сопоставляя данные нашего исследования и исследования Г.Н. Кима, мы видим, что среди узбекистанских и казахстанских корейцев количества лиц, не исповедующих ни одну религию, примерно равны и составляют около половины.

Столь высокое количество не религиозной молодежи среди корейцев Узбекистана (как, впрочем, и Казахстана) можно объяснить тем, что в формировании религиозной идентичности индивида важную роль играет семья, воспитание. При этом в основе формирования будущего мировоззрения лежат те жизненные взгляды, которые закладываются человеку его родителями с момента его рождения. Человек, родившийся в

семье атеистов, с меньшей вероятностью пойдет в церковь или будет исполнять религиозные обряды. А как видно по представителям среднего и старшего поколения (являющимися родителями, дедушками-бабушками молодых респондентов), среди них высока доля лиц с атеистическим мировоззрением, чему причиной, как мы уже отметили, является их советское идеологическое воспитание.

Кроме того, важной причиной, препятствующей формированию религиозной идентичности, могут стать социально-экономические предпосылки. Так, в первые годы после распада Советского Союза людям чаще приходилось думать о вещах более материальных, нежели о религии. Поэтому в погоне за заработком многим было некогда думать о духовных ценностях. Это можно отнести как к лицам молодого, так и среднего возраста. В интервью представительница средней возрастной группы (женщина, 42 года) сказала следующее: «В принципе, я не религиозный человек. У меня, кстати, времени нет. Вообще-то мне надо зарабатывать деньги. Даже если хочешь, – времени нет ходить в церковь. Мне кажется, самая лучшая вера человека – это вера в себя. Как говорится, на бога надейся, а сам не плошай».¹⁴

Другой причиной, препятствовавшей вовлечению людей в религию, мог стать имидж религиозных сект, который сформировался в период 1990-х годов, когда произошла серия громких разоблачений некоторых сект, деятельность которых сводилась к вербовке и использованию членов сект в корыстных целях религиозных руководителей. Этот фактор также является психологическим барьером для определенной части людей к вступлению их в религиозные организации.

Интересно отметить тот факт, что среди корейцев Узбекистана практически отсутствуют представители мусульманской религии. Согласно данным нашего опроса доля корейцев исповедующих ислам составляет 0,2 % или 1 человек из 500 опрошенных (этим респондентом являлась кореянка старшей возрастной группы, которая была замужем за узбеком – прим.

М.Д.Тена). Стоит сказать, что по данным исследования Г.Н. Кима, количество молодых корейцев Центральной Азии, исповедующих ислам, равно нулю.

Отсутствие мусульман среди представителей всех возрастных групп объясняет, почему корейцы Узбекистана практически не отмечают мусульманские праздники «Курбан Хаит» и «Рамазан Хаит». Лишь 8,2 % респондентов указали в анкетах, что постоянно отмечают «Рамазан Хаит» и 9,4 % – «Курбан Хаит». Судя по тем же данным, наиболее отмечаемыми являются нерелигиозные праздники – Новый Год (постоянно отмечают 96 % респондентов) и Восьмое марта (постоянно отмечают 86,2 % респондентов).

На сегодняшний день в вопросе о религиозной идентичности корейцев Узбекистана наблюдается процесс перехода от атеистического мировоззрения к поиску конфессиональных ниш, что связано с трансформацией всей общественно-политической структуры жизни новых независимых государств на постсоветском пространстве. В отношении религии сегодня все еще в значительной мере наблюдаются стереотипы советского времени, которые выносят религию за рамки важных элементов личной жизни человека.

Как пишет Л.М.Сим, «что касается корейцев стран СНГ, то их мировоззренческий комплекс уникален, поскольку включает в себя воспринимаемые на генетическом уровне основные базовые ценности корейской цивилизации и установки, приобретенные в сложных условиях бытия в Союзе ССР, а затем в России и странах СНГ».¹⁵

Вместе с тем, разнонаправленность религиозных предпочтений на данном этапе, а также не уверенность определенной части представителей диаспоры в самоопределении своего места в отдельно взятой религии, позволяют говорить о том, что процесс формирования религиозной идентичности корейцев Узбекистана находится лишь в самом начале своего пути. Как пишет Г.Н.Ким, «религиозное мировоззрение... пока еще размыто и находится в эмбриональной стадии. Традицион-

ная обрядность, уходящая корнями в религиозно-этическое конфуцианство, утратила сакральную семантику, и сохраняется, благодаря старшему поколению как внешняя ритуальная оболочка».¹⁶

Вероятно, на следующем этапе развития данного процесса в среде корейцев нам предстоит наблюдать увеличение количества верующих людей, а вместе с тем и более глубокое осмысление ими религиозных догм. В конечном счете, это должно привести к созданию сформированной системы религиозных ценностей корейской диаспоры. С другой стороны, можно предвидеть укрепление и атеистических взглядов за счет укоренения в обществе основ рыночной экономики и практического подхода, в том числе, и в сфере духовности.

В изучении религиозной идентичности необходимы более углубленные исследования различных сторон религиозной жизни корейцев Узбекистана, которые все еще ждут своего автора.

¹ Данные Госкомитета Узбекистана по статистике за 2008 г.

² Ким П.Г. Корейцы Республики Узбекистан. – Ташкент, 1993. – С.146.

³ Ким А.Ф. Узбекские корейцы: традиционное вероисповедание и трансформация к современной религии // Узбекистан-Корея: научное и культурное сотрудничество: Тезисы докладов международной конференции 25-28 мая 2008. – Ташкент, 2000. – С. 400.

⁴ Там же. – С. 397.

⁵ Крысько В.Г. Социальная психология: Курс лекций. 3-е изд. – М.: Омега-Л, 2006. – С. 274.

⁶ Полевые материалы автора. Интервью №6. Мужчина, 18 лет. Поселок «Ахмад Яссави» Ташкентской области, Узбекистан. 5.07.2009 г.

⁷ Полевые материалы автора. Интервью №5. Женщина, 55 лет. Поселок «Ахмад Яссави» Ташкентской области, Узбекистан. 5.07.2009 г.

⁸ Полевые материалы автора. Интервью №20. Мужчина, 49 лет. Поселок «Дустлик» Ташкентской области, Узбекистан. 23.08.2009 г.

⁹ Полевые материалы автора. Интервью №9. Женщина, 50 лет. Поселок «Ахмад Яссави» Ташкентской области, Узбекистан. 12.07.2009 г.

¹⁰ Полевые материалы автора. Интервью №10. Мужчина, 78 лет. Поселок «Ахмад Яссави» Ташкентской области, Узбекистан. 12.07.2009 г.

¹¹ Полевые материалы автора. Интервью №18. Мужчина, 80 лет. Поселок «Дустлик» Ташкентской области, Узбекистан. 23.08.2009 г.

¹² Исследование Г.Н.Кима охватило 300 человек из числа корейской молодежи, обучающейся на корейских отделениях Университетов в городах Алматы, Талдыкорган, Ташкент, Бишкек и Душанбе. Подробнее см.: Ким Г.Н. Этничность, самосознание и религиозность корейской диаспоры в Центральной Азии // http://world.lib.ru/k/kim_german_nikolaewich/16.shtml

¹³ Там же.

¹⁴ Полевые материалы автора. Интервью №8. Женщина, 42 года. Поселок «Дустлик» Ташкентской области, Узбекистан. 12.07.2009 г.

¹⁵ Сим Л.М. К вопросу о корейском менталитете: прошлое в настоящее // http://world.lib.ru/k/kim_o_i/s6s6.Shtml

¹⁶ Ким Г.Н. Этничность, самосознание и религиозность корейской диаспоры в Центральной Азии // http://world.lib.ru/k/kim_german_nikolaewich/16.shtml